

Среди дремучей лесной чащи отыскать хоть какую-то утварь под воду или запасы — задача не из легких. А уж посуду, которую можно безбоязненно поставить прямо на открытый огонь, дабы сварить похлёбку... Тут и выбирать не из чего: кроме раскаленных булыжников, дикари ничего отродясь не видывали.

Жрец Племени Кошек смотрел на глиняный котелок столь жадным взглядом, что, казалось, вот-вот не сдержится и затребует отдать ему готовую вещь без всяких экивоков.

Сюй Шуанцы тем временем пустил в ход весь свой кулинарный арсенал: обжаривал, тушил, жарил во фритюре и томил.

Стоило подгрести угли под днище котелка, как еда — не успеешь и глазом моргнуть — доходила до готовности.

Глиняная посуда не просто отлично удерживала тепло, но и отличалась внушительной вместительностью. К тому же котелок вынимался пузатым, округлым, а на самом его боку красовался аккуратный оттиск лапки — что целиком и полностью отвечало изысканным вкусам представителей кошачьего племени.

Старый Чан вместе с двоими кошачьими котятками следил за каждым движением юноши, не сводя глаз с чудесного сосуда. Долго прошипев нечто невнятное и испепеляя посудину взглядом, он вдруг огорошил:

— А можно на следующих отпечатать именно наши лапы?

Рука Сюй Шуанцы дёрнулась, половник едва не выскользнул из пальцев. Юноша опустил взгляд, но в глазах старого кота не заметил и тени шутки — тот был предельно серьезен.

— Можно, — сдержанно отозвался Шуанцы, совладав с собой. — Но тогда вам придется лично наведаться ко мне, когда я стану лепить новую партию.

Жрец повел хвостом вперед. Вслед за ним из ветвистого укрытия выкатились два мохнатых клубка — котята завалились на спину и беспомощно растопырили все четыре лапы.

— Может, оставить их у тебя? — невинно поинтересовался жрец.

Сюй Шуанцы перевёл взгляд на Цина.

— И речи быть не может, — ледяным тоном отрезал Белый Тигр.

Старика, впрочем, такой отказ ничуть не расстроил. Он лишь воодушевленно мурлыкнул:

— Ну что ж, значит, совершим еще один переход.

Цин помогал разделявать тушу и притаскивать воду, попутно намотав на ус весь способ применения новой утвари.

Оборотням был ведом огонь, и они знали, что обожжённая глина становится твердой. Но вылепить из сырого ила изящную форму, а после обжечь её в печи так, чтобы она не треснула и не раскололась... Подобные тайны казались откровением самого Божественного Звера. Не посмотри Цин на весь процесс своими глазами от начала и до конца, он точно так же, как этот кошачий жрец, донимал бы Шуанцы расспросами.

В этот раз совместная трапеза выкроилась необычайно шумной.

Плетёных кресел из лозы в пещере имелось всего два: одно занял Сюй Шуанцы, а на второе, более просторное, вместились сразу трое кошек. Цин же ел прямо из огромного деревянного таза, устроившись на постеленных на полу шкурах — на столе его порциям попросту не хватило бы места. Впрочем, юноша щедро отложил ему каждого блюда.

Оборотням был ведом огонь, но привычным способом приготовления пищи для них оставалась банальная обжарка на костре. Разве что бродячие оборотни из нужды могли глотать сырое мясо, а вот племенные жители предпочитали термически обработанную еду. И всё же, когда изо дня в день жуёшь суховатую опалённую тушу, сочные тушёные и жареные блюда кажутся невиданным деликатесом.

Полагая, что гостям не совладать с палочками, Сюй Шуанцы раздал каждому по глубокой плошке, щедро наложив овощей с мясом и разваренного до мягкости Сладкого Корня.

Стоило первой порции обжаренных в жире яств коснуться языков, как трое гостей замерли в оцепенении.

Реакция котят оказалась самой искренней: они вцепились мохнатыми лапками в края мисок и ушли в еду с головой.

Шуанцы поглядел на Цина. Оборотень-тигр трапезничал весьма чинно и аккуратно, хотя еда исчезала из его таза с поразительной скоростью.

Искренний восторг едоков — лучшая похвала для кулинара. Сюй Шуанцы улыбнулся, подхватил палочки и сам принялся за еду с неменьшим аппетитом.

К концу обеда пузики детёнышей раздулись, точно мячики. Они развалились на мягких шкурах кверху лапками и сыто передвигали подушечками в воздухе, «переминая молоко».

Жрец неторопливо вылизал шерстку, затем сгреб к себе котят и умыл их тоже. Приведя себя и сородичей в надлежащий вид, он поднялся и долго прохаживался подле выставленной в ряд глиняной утвари. Выспросив назначение каждого кувшина и горшка, старый кот с чинным видом вернулся на место.

Сюй Шуанцы понял: настало время серьезных переговоров.

Цин поднялся и уселся подле юноши, уложив массивный хвост с другой стороны от него — так, чтобы полностью закрыть субоборотня от чужих взоров.

Под мерное мурлыканье уснувших котят жрец произнес:

— Нам надобно два котелка и две большие корчаги под воду.

Ему, разумеется, хотелось выменять и миски, и кувшины, и тазы, но Поселение Кошек было небольшим и бедным — за богатую утварь им просто нечем было расплатиться. Котелки и водоносные сосуды являлись для них самым необходимым.

Сюй Шуанцы без колебаний кивнул:

— Договорились.

Жрец прижал островерхие ушки, замялся на мгновение, а затем вновь расправил их и промолвил:

— В уплату мы можем предложить семена, дикий мёд, целебные травы или обработанные шкуры.

Он предоставлял выбор самому юноше.

Сюй Шуанцы обернулся к партнеру.

— Бери то, что считаешь нужным, — отрезал Цин.

Задумавшись, Шуанцы на автомате нащупал лежащий рядом полосатый хвост, потянул его к себе и уложил на колени, принявшись машинально поглаживать.

— А что за семена? — тихо поинтересовался он у жреца.

— Сии семена наши предки подобрали во время великого кочевья, — пояснил Чан. — Сразу предупрежу: у нас они так и не прижились. Из поколения в поколение жрецы передают

сказание, будто растет сия трава в воде, словно сорняк. Когда стебли наливаются золотом, их сжимают, счищают шелуху и едят белое ядрышко. На вкус оно лишь едва сладковатое, да и урожай даёт скудный.

Жрец упомянул семена лишь ради счета, не надеясь, что они кого-то заинтересуют. Но заметив, как загорелись глаза субоборотня, замялся:

— Ты точно хочешь выменять эту дрянь?

Сюй Шуанцы до боли сжал в пальцах тигриный хвост.

Волна электрического тока прошла хребет Цина от загривка до самого кончика; он изо всех сил сдерживал морду, но тело его невольно содрогнулось. Юноша же, находясь в крайней степени волнения, даже не заметил своей оплошности и продолжал судорожно сжимать тигриную пышную шерсть.

Пересохшее горло сжалось.

— Они... они растут колосьями? Ну, такими метелками, одна к одной? — трепещущим голосом переспросил он.

Жрец кивнул.

Шуанцы сжал кулак еще сильнее.

Цин молча вонзил когти глубоко в земляной пол пещеры.

— Можно мне взглянуть на них? — подался вперед юноша.

Судя по описанию, это был самый настоящий водный рис! Прожив полгода на одном лишь Сладком Корне, Сюй Шуанцы успел смириться с мыслью, что никогда больше не отведаст ни единого рисового зернышка. И надо же — такое счастье! Это точно он! Без сомнений!

Жрец кивнул. Судя по реакциям тигра, тот, похоже, тоже знал секрет этих семян.

Вскоре котята проснулись, и Чану пора было возвращаться в родные места. Поскольку жреца привел Цин, ему и надлежало выпроводить гостей обратно.

Сюй Шуанцы порывался отправиться вместе с ними, но старый кот категорически воспротивился: путь субоборотню не по силам. В итоге сошлись на том, что Цин просто принесет пару зерен на пробу.

Владения Серебряного Тигра простирались на многие ли, и до Поселения Кошек требовалось пересечь их насквозь. На пределе сил такой путь займет сутки.

Провожая партнёра, Шуанцы с беспокойством сжал его лапу:

— Не загоняй себя. Мчись без лишней спешки, береги силы.

Цин молча кивнул, подхватил сумку со старым жрецом и котят и растворился в лесной чаще.

Нежданная сделка подстегнула энтузиазм Сюй Шуанцы, и он с утроенным усердием взялся за вторую партию керамики.

День только начинался. Юноша выгреб золу из гончарной печи и бережно заставил её просохшими заготовками. Однако разводить огонь не стал, а сразу отправился на берег за свежей глиной — нужно было успеть слепить изделия для кошачьего племени до следующей охоты Цина.

Пока Шуанцы хлопотал у печи, жрец Чан, придерживая котят в кожаной сумочке, не удержался от вопроса:

— Ты молвил, будто нашел своего субоборотня на собственных землях? Расспроси-ка его: не пожелает ли он примкнуть к Поселению Кошек? Коли согласится, я лично обучу его и сделаю следующим жрецом.

— Не пожелает, — отрезал Цин.

— Ты же даже не спросил! — зашипел старик, от досады запустив когти в кожаную сумку.

Сердце жреца обливалось кровью. Поселение кошек находилось прямо по соседству с владениями этого тигра! И надо же было А-Шуану упасть именно здесь! Сделай он еще сотню шагов на запад, его нашли бы кошки!

— Но если ты согласен обучить его ремеслу, я отплачу чем угодно, — добавил Цин.

Жрец высунул морду из щели и вперил взгляд в белоснежный тигриный загривок:

— И чем же ты расплатишься? Своим диковинным белым мехом? Или дичью? Так мы и сами не голодаем!

— Найдется нечто такое, чего у вас нет, — спокойно ответил Цин.

— Все равно не стану! — категорично отрезал Чан. — Тайны жрецов передаются лишь внутри племени, таково древнее уставление!

— Однако ты уже наставлял его, — заметил тигр.

Жрец упёрся лапами в край сумки и сердито буркнул:

— То было исключение! В благодарность за спасение наших детёнышей! Предки меня простят!

Видя, что старик упёрся намертво, Цин не стал спорить.

Доставив гостей в поселение кошек и забрав бесценный мешочек, перевязанный в несколько слоев плотной кожи, Цин без остановки устремился назад.

К пещере он добрался лишь к следующему утру.

Проведя на ногах двое суток без сна и отдыха, Цин бегло вылизал шерсть и бессильно опустил на шкуры подле ещё спящего Сюй Шуанцы.

Утренние лучи просачивались сквозь каменный скл над входом.

Шуанцы досматривал сон, когда тяжелая лапа легла ему на талию, вырывая из недр грёз. Длинные ресницы вздрогнули, и юноша медленно разомкнул веки.

Прямо перед его лицом покоилась огромная усатая морда — тигриный нос находился буквально в паре сантиметров.

«И отчего мне казалось, будто лоб обдувает холодный ветерок?» — с улыбкой подумал Шуанцы.

Заметив глубокую усталость зверя, Шуанцы прикрыл глаза и некоторое время пролежал неподвижно, дабы не вспугнуть чуткий сон зверя.

Окончательно очнувшись от сна, юноша бережно переложил тяжеленный хвост со своей талии на шкуры и бесшумно выбрался из постели.

Он проверил птичье яйцо, а затем перевёл взгляд на кресло — там лежал заветный сверток.

Сюй Шуанцы не стал торопиться. По заведенному обряду он сначала состряпал и съел скромный завтрак, после чего тщательно вымыл руки и лицо. Лишь после этого, с трепетом в душе, уселся на полу, скрестив ноги, и принялся разворачивать шкуры.

Огромный сверток размером с тигриную голову скрывал слой за слоем, пока в руках юноши не остался совсем крохотный квадратный мешочек.

Шуанцы приоткрыл завязки, но тут же испугался, что мелкие семена высыплются и затеряются в пыли. Оглядевшись, он подошел к спящему Цину и опустил под него.

Подставив ладонь и оперевшись тыльной стороной кисти о белоснежную тигриную лапу, юноша осторожно высыпал три зернышка.

И замер, затаив дыхание.

Ошибки быть не могло!

Он подхватил одно зерно и положил его прямо на тигриную шерсть. Густой белый мех послужил идеальным фоном — на нем отчетливо проглядывала каждая крохотная ворсинка на золотистой шелухе. Зёрна выглядели довольно тощими и чуть более длинными, чем те, что юноша помнил из прошлой жизни.

Но это был рис! Настоящий необрушенный рис!

— Доволен? — раздался хриплый бас.

Сюй Шуанцы вздрогнул и от неожиданности шмякнулся на задницу.

Бдительность никогда не была сильной стороной субоборотней. Цин очнулся в то самое мгновение, когда юноша приблизился к нему, но увлекающийся субоборотень, бесцеремонно использовавший тигриную лапу в качестве подставки, даже не заметил, что хищник давно наблюдает за ним.

Взгляд Цина скользнул по крохотному зернышку.

«Неужто эта дрянь настолько запала ему в душу? И ведь он явно видит её не впервые... Если кошки добыли семена на юге, стало быть, и мой А-Шуан родом из южных племен?»

Впрочем, все это оставалось лишь догадками, и задавать прямые вопросы тигр пока не спешил.

Заметив, что парень так и сидит на полу, Цин вытянул хвост.

Шуанцы, обхватив полосатый хвост обеими руками, позволил зверю подтянуть себя вверх и поднялся на ноги. Взор его пылал восторгом, а обычно бледное лицо преобразилось и будто светилось изнутри.

— Ещё как доволен! Я живо возьмусь за работу. Пока стоит прохлада, надо успеть обжечь всю посуду и выменять всю партию семян до начала сева!

— Никакой спешки, — строго прорычал Цин, подгребая юношу под себя тяжелой лапой. — Отдыхай. Спи.

— Да я уже выспался! — воспротивился Шуанцы.

Цин пристально взгляделся в его лицо, затем неохотно разжал когти, но хвостом продолжал крепко удерживать парня за талию.

Шуанцы выпрямился, бережно сжимая в ладони три драгоценных зернышка. Старый жрец отличался редкой скупостью, так что разбрасываться семенами не следовало.

— Отпусти хвост! Мне за дело пора.

— Куда собрался? — не размыкая век, пробормотал Цин.

— Надо проверить соль, что сушится на склоне.

— Скоро дождь зальет, — лениво отозвался хищник.

Шуанцы мгновенно переполошился:

— Тем более отпусти! Соль уже несколько дней преет, наверняка всё выкристаллизовалось!

— Я иду с тобой, — Цин повел ушами.

Шуанцы решительно надавил ладонями на широкую тигриную грудь, укладывая зверя обратно на шкуры:

— Почивай, Ваше Величество! Я мигом — одна нога здесь, другая там.

Зверь поморщился от диковинного прозвища, но хвост отпустил:

— Возвращайся скорее.

— Слушаюсь, Ваше Величество! — белозубо усмехнулся Шуанцы.

— Хватит паясничать.

Глядя в утомленные глаза Цина, юноша ощутил, как сердце наполняется нежностью. Он присел на корточки, обнял мощную шею Белого Тигра и уткнулся лицом в густой, мягкий мех на его загривке, ласково потершись щекой.

— Больше не мчись во весь опор... Ночные переходы подрывают силы.

Кончик тигриного хвоста легким касанием задел щеку субоборотня.

— Я за тебя тревожусь.

<http://bllate.org/book/20124/1993007>